

**Маршал Советского Союза
Герой Советского Союза**

И. Х. БАГРАМЯН

ПЕРВЫЙ ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Одержав историческую победу в битве под Курском, Советская Армия развернула мощное стратегическое наступление от Балтийского моря до Черного. К маю 1944 г. советские войска разгромили крупную группировку противника под Ленинградом и Новгородом, очистили от оккупантов почти всю Украину, форсировали Южный Буг и Днестр, прорвались к Карпатам и вышли на государственную границу СССР с Чехословакией и Румынией. Враг потерпел сокрушительное поражение в Крыму. Красное знамя вновь развевалось над легендарным Севастополем.

На западном стратегическом направлении советские воины освободили около 40 районов Могилевской, Витебской, Гомельской и бывшей Полесской областей Белорусской ССР. Однако гитлеровцы все еще продолжали удерживать основную часть территории Белоруссии. В результате упорных боев конфигурация линии советско-германского фронта приняла здесь своеобразное начертание — образовался огромный выступ, обращенный вершиной на восток. Внутри этого выступа, называемого гитлеровским командованием «белорусским балконом», оборонялась сильная немецко-фашистская группа армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4, 9 и 2-й полевых армий. Войска группы поддерживал 6-й воздушный флот. К северу от «белорусского балкона» действовала 16-я полевая армия группы армий «Север», южнее — 4-я танковая армия группы армий «Северная Украина». С учетом части сил этих армий противник имел в Белоруссии около 65 дивизий, численностью более 1 млн. 200 тыс. солдат и офицеров.

Прочное удержание «белорусского балкона», по оценке гитлеровского командования, преграждало Советской Армии кратчайшие, наиболее важные пути к Восточной Пруссии и Польше, а также позволяло наносить фланговые удары по советским войскам в случае их наступления в обход Белоруссии с севера и юга. Кроме того, имея в этом районе развитую сеть аэродромов, немецкая авиация могла угрожать Москве. Фашистская пропаганда назвала оборону в белорусском выступе «Фатерлянд» («Отечество»), стремясь убедить своих солдат в том, будто они здесь защищают Германию. Гитлер потребовал от генералов превратить все крупные белорусские города в крепости и удерживать их любой ценой. Всемерное укрепление обороны в Белоруссии являлось также необходимым условием для успешного отражения наступления войск Советской Армии на южном крыле советско-германского фронта, где, по убеждению гитлеровских стратегов, должны были развернуться главные операции летней кампании 1944 г. Ожидая удара южнее «белорусского балкона», враг сохранял там 24 танковые и моторизованные дивизии из 30, действовавших на советско-германском фронте. Ставке Советского Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу с помощью ряда остроумно задуманных и искусно проведенных мер дезинформации удалось ввести в заблуждение немецко-фашистское командование. Бывший помощник начальника оперативного управления штаба группы армий «Центр» Гакенгольц в статье «Катастрофа группы армий «Центр» писал: «Ход зимних сражений привел к большой концентрации русских сил на территории Западной Украины. Здесь, в Восточной Галиции,

восточнее Львова, где с большим напряжением удалось приостановить наступление русских и должно было, по мнению Гитлера и его советников из ОКВ и ОКХ, развернуться главное наступление русских в летнюю кампанию 1944 г... Этой точки зрения германская ставка придерживалась и позднее, когда обстановка на советско-германском фронте существенным образом изменилась. Во всяком случае немецкое руководство, пренебрегая всеми другими участками фронта, все наличные резервы стягивало в Галицию, особенно же большинство танковых дивизий, ибо продолжало считать, что главный удар будет нанесен русскими по группе армий «Северная Украина»¹.

Решение о разгроме центральной группировки фашистских войск и освобождении Белоруссии было принято Советским Верховным Главнокомандованием еще при планировании операций на зимний период 1944 г. Однако в зимнем наступлении нам, в частности 1-му Прибалтийскому фронту, не удалось полностью выполнить поставленные задачи. Войска нашего фронта лишь вбили опасный клин между Полоцком и Витебском. Развить достигнутый успех — окружить и разгромить наиболее крупную витебскую группировку врага — мы не смогли из-за отсутствия к тому времени необходимого превосходства в силах, а также ввиду недостатка вооружения и боеприпасов. Кроме того, наступившее затишье на соседних фронтах позволило противнику маневрировать резервами и парировать наши, не обладавшие необходимой мощностью, удары. Но мы не оставляли надежды по мере накопления сил и средств вновь перейти в наступление.

Воины 1-го Прибалтийского фронта горели желанием, как можно скорее освободить Белоруссию, истрадавшуюся под гнетом нацистов. Не раз бойцы и командиры спрашивали меня: когда же мы ударим по врагу и освободим белорусский народ от фашистского рабства? Особенно это нетерпение возросло весной при получении известий о том, что гитлеровцы, с целью упрочения своего положения в Белоруссии, предприняли крупную карательную экспедицию против белорусских партизан, создавших в тылу оккупантов партизанский край с центром в городе Ушачи. В этом районе действовало 16 партизанских бригад. Помнится, что даже осторожный, расчетливый, всегда трезво оценивающий обстановку начальник штаба фронта генерал-лейтенант В. В. Курасов выдвинул идею немедленного наступления, чтобы помочь доблестным партизанам. Он был явно огорчен, что я не поддержал его предложения. Поспешное, неподготовленное наступление было крайне рискованным, к тому же оно должно было осуществляться в условиях весенней распутицы. Об этом я доложил Верховному Главнокомандующему, и он согласился со мной.

Военный совет и штаб фронта принимали все возможные меры, чтобы облегчить положение партизан. Мы доставляли им самолетами некоторые виды вооружения и боеприпасов, взрывчатку, средства радиосвязи, медикаменты, эвакуировали через линию фронта в тыл страны раненых и тяжелобольных. Нередко, по просьбе командования партизанских соединений, им оказывали поддержку штурмовики и бомбардировщики, наносившие удары с воздуха по скоплениям фашистских войск. И наша помощь сыграла положительную роль. Гитлеровцам не удалось уничтожить партизанские соединения. Объединившись под командованием своего прославленного командира В. Е. Лобанка, они с боями вырвались из окружения и в дальнейшем оказали нам неоценимую помощь.

Ранней весной, перейдя к активной обороне, войска 1-го Прибалтийского фронта вели усиленную боевую подготовку, используя опыт предшествовавших боев. С этой целью максимальное количество подразделений и частей было выведено в резерв. Основной упор был сделан на обучение наступательным действиям в условиях лесисто-болотистой местности с форсированием водных преград. Это диктовалось характером театра предстоящих военных действий.

В середине апреля Военный совет фронта провел трехдневное совещание высшего командного состава (до командиров дивизий и отдельных бригад включительно), на

¹ H. G a c k e n h o e z. Der Zusammenbruch der Heeresgruppe Mitte.— H. A. J a c o b s e n, J. R o h w e r. Entscheidungsschlachten der Zweiten Weltkrieges. Frankfurt-am-Main, 1960, S. 445.

котором я сделал разбор наиболее поучительных операций. Затем генералам и офицерам была показана в действии боевая техника, находившаяся на вооружении Советской Армии и войск противника.

К концу апреля возрос приток людских пополнений, резко увеличился подвоз вооружения и боеприпасов. Мы поняли, что наступление не за горами. В начале мая Военный совет фронта получил общую ориентировку на предстоящее наступление и приступил к детальной разработке операции. Соблюдая надлежащие меры скрытности, строго ограниченная группа генералов и офицеров фронтового управления начала подготовку к операции. Большое внимание уделялось нами уточнению группировки войск противника, выяснению системы огня и инженерного оборудования обороны, выбору участка прорыва. Конечно, не забыты были и такие важные вопросы, как доукомплектование войск личным составом, вооружением и транспортом, организация боевого сколачивания частей и соединений, подготовка сети дорог, накопление материальных запасов.

В 20-х числах мая меня и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Д. С. Леонова вызвали в Москву. Столица встретила нас по-весеннему одетой в зеленый наряд. Она не похожа была на тот суровый фронтовой город, каким была в 1941—1942 гг. По залитым солнцем улицам с грохотом мчались трамваи, потоком двигались автомашины и среди них трофейные, спешили юркие велосипедисты. Но все же от нашего взгляда не могли укрыться приметы продолжающейся войны: транспаранты призывали к мобилизации всех сил и средств на разгром врага, всюду обилие военных, особенно у вокзалов, до предела напряженный трудовой ритм на заводах, фабриках и в учреждениях.

В первый же день пребывания в Москве нас пригласили в Генеральный штаб, где собрались командующие войсками и члены военных советов фронтов, привлекаемых к участию в Белорусской операции. Все мы за время войны неоднократно встречались, хорошо знали друг друга и искренне радовались, что будем вместе решать важные вопросы, связанные с изгнанием фашистских оккупантов с нашей родной советской земли.

Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский и его заместитель генерал армии А. И. Антонов ознакомили нас с основным замыслом Белорусской операции, получившей кодовое название «Багратион», боевым составом и задачами фронтов. Наступление планировалось на глубину 250 км. На его проведение отводилось 45—50 суток. Замысел операции предусматривал нанесение мощных ударов по флангам вражеских войск, защищавших белорусский выступ, с тем чтобы валом оборону противника и стремительным наступлением с северо-востока и юго-востока в общем направлении на Минск разгромить главные силы группы армий «Центр».

Согласно планам Генерального штаба, 1-му Прибалтийскому фронту надлежало силами 6-й, 11-й гвардейских и 43-й армий, 1-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов прорвать оборону противника северо-западнее Витебска, форсировать Западную Двину и, прикрываясь со стороны Полоцка, наступать главными силами в направлении Лепель, Докшицы, Молодечно, а частью сил — на Сенно с целью окружения и уничтожения витебской группировки врага во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта. Командованию фронтами предложили высказать свое мнение по существу предстоящего наступления. Начали с меня как «правофлангового». В целом я выразил глубокое удовлетворение идей, заложенной в замысле, смелыми и решительным целями этой грандиозной по размаху операции. Одновременно высказал ряд принципиальных замечаний.

По плану, разработанному Генштабом, 1-й Прибалтийский фронт привлекался к разгрому северного крыла группы армий «Центр» и глубокому охвату с северо-запада всей центральной группировки противника в Белоруссии.

— В этом случае, — сказал я, — обладающая значительной мощностью вражеская группа армий «Север» может нанести слынный удар с севера по растянутому флангу и тылу нашего фронта.

— Да, угроза такого удара вполне реальна, — заметил А. М. Василевский. — Ваш сосед справа, 2-й Прибалтийский фронт, перейдет в наступление значительно позже

У противника в Прибалтике на некоторое время будут развязаны руки, и это надо учитывать.

— Что вы предлагаете? — спросил меня Г. К. Жуков.

— После выполнения ближайшей задачи — окружения и разгрома витебской группировки противника — возложить нанесение глубокого удара в юго-западном направлении на нашего соседа слева — 3-й Белорусский фронт. Основные усилия 1-го Прибалтийского фронта, — развил я свою мысль, — направить на запад и северо-запад для того, чтобы во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить 3-ю танковую армию и отсечь группу армий «Север» от группы армий «Центр». Наш удар на этом направлении, кроме надежного обеспечения с севера главной группировки советских войск в Белоруссии, будет способствовать активизации положения 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

Мое предложение вызвало оживленный обмен мнениями. Высказались также и другие командующие фронтами, приняв активное участие в коллективном обсуждении, как это не раз бывало в прошлом при разработке оперативных и стратегических замыслов. В результате наиболее четко определилась идея всей операции. Если первоначально в плане речь шла только о ликвидации белорусского выступа и освобождении всей территории Белоруссии, то в ходе обсуждения рельефно выделилась главная цель — окружить значительные силы группы армий «Центр» в районе Минска, не дав им возможности ускользнуть на Запад.

Окончательный вариант замысла операции сводился по существу к следующему. Сначала предусматривалось разгромить фланговые группировки противника, занимавшие белорусский выступ и сконцентрированные в основном в районах Витебска и Бобруйска. Разгром этих группировок открывал для наступающих войск широкие ворота на территорию белорусского выступа. Распахнув их, войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов должны были в последующем охватывающими ударами в общем направлении на Минск окружить минскую группировку противника и освободить столицу Белоруссии. 2-му Белорусскому фронту предстояло фронтальным наступлением в общем направлении Могилев, Минск сковать возможно больше сил из состава группы армий «Центр» и всемерно содействовать осуществлению намеченного для 1-го и 3-го Белорусских фронтов замысла по окружению и уничтожению минской группировки немецко-фашистских войск.

В связи с этим состав ударных группировок на 1-м и 3-м Белорусских фронтах решено было значительно усилить. Нашему соседу слева — 3-му Белорусскому фронту передавалась 11-я гвардейская армия и 3-й гвардейский кавалерийский корпус, включенные первоначально в состав 1-го Прибалтийского фронта. Кроме того, он усиливался из резерва Ставки 2-м гвардейским Тацинским танковым, 3-м гвардейским механизированным корпусами и 5-й гвардейской танковой армией, которой командовал маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров. Учитывая, что 1-й Белорусский фронт имел десять общевойсковых, танковую, две воздушные армии, три танковых, механизированных, три кавалерийских корпуса и Днепровскую флотилию, можно себе представить, в какие мощные клещи бралась фашистская группа армий «Центр».

Серьезно изменилась основная задача, возлагаемая на 1-й Прибалтийский фронт. Если по первому варианту плана, войска фронта должны были после выполнения ближайшей задачи наносить глубокий удар в юго-западном направлении на Молодечно, то теперь им надлежало главными силами наступать в западном и северо-западном направлении, вдоль Западной Двины, отсекая вражескую группу армий «Север» и лишая ее возможности оказать помощь группе армий «Центр». Таким образом, мы должны были принимать активное участие в решительном разгроме 3-й танковой армии, оперативно обеспечивая с севера действия Белорусских фронтов по окружению многотысячной группировки гитлеровцев восточнее Минска, а затем создать условия для разгрома главных сил группы армий «Север» в Прибалтике.

На следующий день в Ставке, в Кремле, собрался высокоавторитетный и строго ограниченный по составу участников совет. Кроме Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, здесь были Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов; командующие фронтами: генерал армии К. К. Рокоссовский (1-й Белорусский фронт), генерал-полковник И. Д. Черняховский (3-й Белорусский фронт), автор этих строк (1-й Прибалтийский фронт) и соответственно члены военных советов трех перечисленных

фронтов: генерал-полковник Н. А. Булганин, генерал-лейтенант В. Е. Макаров, генерал-лейтенант Д. С. Леонов.

Верховный поздоровался с каждым и пригласил за стол. Когда все уселись, он закурил трубку, встал и, медленно прохаживаясь по кабинету, предложил А. И. Антонову доложить замысел и план операции. Периодически он подходил к разложенной на столе карте и пристально всматривался в конфигурацию линии фронта, задерживая внимание на стрелах, обозначавших направления главных ударов фронтов. Поскольку по плану операции было все ясно, мы лишь еще раз высказались о нем с одобрением. Выступления командующих фронтами сводились в основном к тому, как они мыслят решать фронтовые задачи. Я коротко доложил свое решение по организации прорыва обороны противника и развитию наступления в оперативной глубине.

— Хорошо,— послышался тихий глуховатый голос Сталина, склонившегося над картой.— Только, по-моему, участок прорыва великоват.

Выслушав мои объяснения, он посоветовал по возвращении на фронт еще раз на местности проанализировать этот вопрос.

Я невольно отметил немногословие Верховного. Он больше слушал, изредка задавая короткие, четко сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, населенные пункты, кем-то раз высказанные меткие выражения. Он был предельно собран, на его лице отражалась сосредоточенная строгость, чуть прищуренные глаза смотрели в упор, пристально и холодно.

К генералу армии К. К. Рокоссовскому Сталин проявлял заметную симпатию. С. К. Тимошенко рассказал мне как-то, что Сталин сравнивал Константина Константиновича с Ф. Э. Дзержинским. «Такой же,— говорил он,— честный, умный, добрый, человечный, только Феликс немного потверже и пострже».

Внимательно Верховный Главнокомандующий прислушивался к выступлениям своих ближайших помощников — Г. К. Жукова и А. М. Василевского, высказавших ряд важных соображений по организации наиболее эффективного первого удара по врагу. В связи с тем, что противник держал свои войска по сути дела в одношелонном построении, без крупных резервов в оперативной глубине, Жуков и Василевский предлагали сразу же ввести в сражение максимум сил и средств для того, чтобы быстро расчленить и разгромить основные силы гитлеровцев, растянутые по всему фронту. Это, по их мнению, могло создать благоприятные условия для развития стремительного наступления наших войск вплоть до конечной цели операции.

— Ну что же, ваши предложения вам и надо решительно провести в жизнь,— согласился Сталин и объявил, что Г. К. Жуков и А. М. Василевский назначаются представителями Ставки по координации боевых действий фронтов: первый — 1-го и 2-го Белорусских, второй — 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского.

При обсуждении вопросов использования в предстоящей операции различных родов войск и их материально-технического обеспечения к работе совещания в Ставке привлекались Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, Главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, маршал инженерных войск М. П. Воробьев, маршал войск связи И. Т. Пересышкин и генерал армии А. В. Хрулев.

Мы уезжали на фронт, окрыленные грандиозностью предстоящего наступления, охваченные горячим желанием поскорее начать подготовку войск к великой битве за Белоруссию.

* * *

На фронте нас с Д. С. Леоновым ждали с нетерпением. Возвратившись, мы тотчас же пригласили к себе начальника штаба фронта генерал-лейтенанта В. В. Курасова, командующего артиллерией генерал-лейтенанта артиллерии Н. М. Хлебникова, командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-майора танковых войск К. В. Скорнякова, начальника инженерных войск генерал-лейтенанта инженерных войск В. В. Косырева, командующего 3-й воздушной армией генерал-лейтенанта авиации Н. Ф. Папивина, начальника тыла генерал-лейтенанта интендантской службы Д. И. Андреева, начальника оперативного управления генерал-майора Ф. Н. Бобкова и начальника разведки полковника А. А. Хлебова. Мое сообщение о принятом Ставкой решении на проведение Белорусской наступательной операции было встречено с глубоким удовлетворением.

В общих чертах я изложил предстоящую задачу фронта и сказал, что она будет конкретно указана в директиве Ставки. Мнение всех было единодушным: немедленно, не ожидая директивы, начать подготовку к наступлению.

На следующий день я довел до командующих армиями и соответствующих начальников родов войск и служб свое предварительное решение на предстоящее наступление, поставил перед ними задачу наиболее полно и тщательно изучить противостоящего противника, состав и группировку его сил, систему вражеской обороны, характер местности, в условиях которой развернутся боевые действия. В соответствии с моими указаниями генерал В. В. Курасов изложил вопросы, относившиеся к перегруппировке частей и соединений, созданию ударной группировки, средствам усиления армий, срокам выхода войск в районы сосредоточения и занятия исходного положения для наступления.

Вечером 31 мая штаб фронта получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования, согласно которой 1-му Прибалтийскому фронту предстояло «форсировать р. Западная Двина и овладеть районом Бешенковичи. Частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку фронта с полоцкого направления»².

Для выполнения этих задач мы располагали тремя общевойсковыми и одной воздушной армиями, отдельным стрелковым и танковым корпусами фронтового подчинения, а также рядом частей специального назначения. 4-й ударной армией командовал генерал-лейтенант П. Ф. Малышев (член Военного совета генерал-майор Т. Я. Белик, начальник штаба генерал-майор А. И. Кудряшов). Этот коренастый, плотно сбитый генерал обладал редкой выдержкой и завидным упорством в достижении поставленной цели. Участвуя в боях с лета 1941 г., он выдержал тяжелые испытания сражений в окружении и горечь отступления; не раз находился на волосок от гибели. Петр Федорович блестяще проявил свои военные способности на фронтах Великой Отечественной войны. 6-ю гвардейскую армию возглавлял активный участник Московской, Сталинградской и Курской битв генерал-лейтенант Иван Михайлович Чистяков (член Военного совета генерал-майор К. К. Абрамов, начальник штаба генерал-майор В. А. Пеньковский). И. М. Чистяков был человеком бесстрашным и решительным. Много крови попортили фашистским воякам соединения 6-й гвардейской под командованием этого отважного генерала. Войсками 43-й армии руководил самый молодой из командармов по возрасту, но не по боевому опыту сибиряк генерал-лейтенант Афанасий Павлантьевич Белобородов (член Военного совета генерал-майор С. И. Шабалов, начальник штаба генерал-майор Ф. Ф. Масленников). В 1941 г. под Москвой Белобородов командовал прославленной 78-й стрелковой дивизией, ставшей позднее 9-й гвардейской. Стройный, подтянутый, необычайно подвижный генерал поражал неистощимой энергией, оригинальностью и смелостью решений. 3-й воздушной армией командовал опытный авиационный военачальник генерал-лейтенант Н. Ф. Папивин, отличный организатор боевых действий авиации. Во главе 1-го танкового корпуса стоял испытанный в боях, смелый и храбрый генерал-лейтенант В. В. Бутков.

Стрелковыми корпусами и дивизиями командовали также умудренные боевым опытом генералы и офицеры, герои многих крупнейших сражений, достойные самой высокой похвалы.

С получением директивы Ставки мы с В. В. Курасовым и начальником оперативного управления генералом Ф. Н. Бобковым немедленно приступили к детальной разработке наступательной операции. Работали напряженно. Перед нами было столько «подводных камней», о которые мог разбиться наш наступательный порыв, если не предусмотреть необходимых мер. Главное, тревожила нас чрезвычайно невыгодная для наступления лесисто-болотистая местность, изрезанная множеством малых и больших озер, речушек и рек, затруднявших маневр войск. Особенно беспокоила такая крупная водная преграда, как река Западная Двина, которую предстояло преодолеть в ходе наступления.

² Архив МО СССР, ф. 132— А, оп. 2642, д. 13, л. 214.

Облегчало наш удар лишь то обстоятельство, что мы хорошо знали противостоящего противника и систему его обороны. В этом большая заслуга принадлежала фронтowej разведке, возглавляемой полковником А. А. Хлебовым. За короткий период она захватила 18 гитлеровцев. Тот, кто помнит, как трудно было добывать «языков» в условиях стабильной обороны, может по достоинству оценить успех войсковых разведчиков. Кроме того, фронт имел тесную связь с агентурной разведкой белорусских партизан. Полученные сведения сверялись с разведывательными данными соседних фронтов и Генштаба, тщательно анализировались, обобщались и доводились до командиров и штабов соединений. Мы достоверно знали, что перед 1-м Прибалтийским фронтом обороняются соединения 1-го армейского корпуса 16-й армии группы армий «Север», 9-го и 53-го армейских корпусов 3-й танковой армии группы армий «Центр» — всего 12 дивизий (семь пехотных, одна авиаполевая, три охранных и одна учебная полевая), две дивизионные группы, свыше десяти отдельных охранных полков и до 40 батальонов различного назначения. В первом эшелоне находились пять пехотных дивизий, авиаполевая дивизия и две дивизионные группы. Остальные войска противника были эшелонированы в глубину до 150—200 км, из них 80% группировались главным образом в районе Полоцк, Лепель, Глубокое (70 км северо-западнее Лепеля). Большая часть резервов 3-й танковой армии противника располагалась в полосе наступления войск 1-го Прибалтийского фронта.

Наибольшая тактическая плотность немецко-фашистских войск отмечалась на подступах к Полоцку и Витебску и наименьшая — в промежутке между ними. Она составляла в среднем одну дивизию на 13 км фронта (в районе Витебска одна дивизия на 10 км).

За зиму и весну гитлеровцы создали развитую, преимущественно сплошную траншейную, глубокоэшелонированную оборону с сильно укрепленными узлами сопротивления. Тактическая зона обороны противника включала в себя две полосы: первую — глубиной 4—6 км; вторую — в 8—12 км от переднего края. В лесах и на узких межозерных дефилах были оборудованы опорные пункты, приспособленные к круговой обороне. Противник создал мощные оборонительные позиции и инженерные укрепления вокруг Витебска, Полоцка, превратив их в своего рода «полевые крепости». В оперативной глубине, в первую очередь по левому берегу Западной Двины, а также на линии Полоцк, Лепель и Двинск (Даугавпилс), озеро Нарочь, готовились позиции армейских резервов и тыловой оборонительный рубеж.

По установившимся к тому времени взглядам, прочную долговременную оборону противника в благоприятных условиях местности обычно прорывали на узком участке (в среднем от 5 до 6 км на армию). Но у нас такой возможности не было. Лесисто-болотистая местность не позволяла развернуть войска и средства усиления на узких участках и крайне ограничивала их маневр. Поэтому всесторонне проанализировав обстановку, мы пришли к выводу начать прорыв на 25-километровом участке силами двух армий.

Главный удар решили нанести в стыке вражеских групп армий «Север» и «Центр» смежными флангами 6-й гвардейской и 43-й армий примерно в 35 км к северо-западу от Витебска в общем направлении на Сиротино, Шумилино, Бешенковичи, имея ближайшей задачей: прорвать тактическую зону обороны, частью сил во взаимодействии с провофланговой 39-й армией 3-го Белорусского фронта окружить и разгромить витебскую группировку. Одновременно главными силами с ходу форсировать Западную Двину и овладеть плацдармом на ее левом (южном) берегу.

В дальнейшем имелось в виду главной группировкой развивать наступление на запад, а ударом части сил вдоль левого берега Западной Двины отсечь войска 16-й армии группы армий «Север» от войск 3-й танковой армии группы армий «Центр» и, разгромив лепельскую группировку, освободить Лепель. После этого предусматривалось частью сил фронта охватывающими ударами с севера и юга овладеть Полоцком, а главными силами наступать на Свенцяны и на 10—11-й день операции занять рубеж Зеленый Городок, Крулевщизна (45 км западнее Пышно), Парафьянов (70 км западнее Лепеля).

По разработанному нами плану, операцию предусматривалось осуществить в три этапа. На первом этапе необходимо было взломать оборону противника на всю глубину ее тактической зоны. По времени этот этап занимал один день. Второй этап включал в себя ввод в прорыв танкового корпуса для развития успеха в направлении на Бе-

шенковичи; форсирование главными силами Западной Двины с захватом плацдарма на ее левом берегу при одновременном окружении и уничтожении витебской группировки противника силами левого фланга 43-й армии во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта. Продвижение войск на втором этапе планировалось на глубину 26—32 км, расширение участка прорыва по фронту — до 35 км. На осуществление задач второго этапа отводилось три дня. Третий этап предусматривал форсирование с ходу реки Улла, разгром лепельской группировки противника и овладение районами Камень и Лепель. Глубина продвижения войск также не превышала 30 км, но ширина фронта прорыва обороны должна была возрасти до 65 км. По времени этот этап охватывал двое-трое суток.

Таким образом, действия войск 1-го Прибалтийского фронта детально планировались всего лишь на глубину 70—75 км, хотя конечная цель наступления лежала далеко западнее, на рубеже Дисна, Свенцяны (Швенченис). Небольшая глубина, на которую осуществлялось детальное планирование, представляла одну из характерных особенностей этой фронтовой операции. Она была вызвана тем, что наши войска наносили свой главный удар на стыке групп армий «Север» и «Центр», т. е. в одном из самых уязвимых участков немецкой обороны. Группы армий «Север» в это время не подвергались воздействию со стороны остальных прибалтийских фронтов. Она могла оказать сильное влияние на весь ход операции. Поэтому планировать операцию на всю глубину в данной обстановке было бы необоснованным.

Исходя из имевшихся в составе фронта к началу наступления сил, а также по условиям обстановки, мы пришли к выводу о необходимости стянуть к участку прорыва, составлявшему 15% общей протяженности фронта, 75% стрелковых дивизий, все танковые и самоходно-артиллерийские части и соединения, а также 87% всей артиллерии. Максимальная концентрация артиллерии позволила нам обеспечить создание плотности до 160 орудий и минометов на километр фронта прорыва. Массирование сил и средств обеспечивало здесь подавляющее превосходство над противником по людям в три раза, в артиллерии, танках и авиации — в три—шесть раз, что было вполне достаточно для успешного проведения операции.

На остальных участках фронта оставалось 25% стрелковых дивизий, один укрепленный район и одна стрелковая бригада. Но даже из этих более чем скромных сил нам удалось создать два небольших «кулака»: один в 4-й ударной армии с целью расширения прорыва обороны противника и создания благоприятных условий для наступления в дальнейшем на Полоцк; другой — в левофланговом корпусе 43-й армии для наступления вдоль железной дороги на Витебск с северо-запада.

Такая столь ярко выраженная концентрация сил и средств на участке прорыва, конечно, представляла собой значительный риск, но она была обоснована тщательным изучением всей обстановки и глубоким знанием противостоящего противника.

1 июня командующим армиями и родов войск, начальникам служб фронта были вручены выписки из календарного плана подготовки к операции и поставлены задачи на наступление. Вся огромная работа по подготовке различных оперативных документов была выполнена в предельно сжатый срок в значительной степени благодаря обширным знаниям, богатому опыту, организаторским способностям и исключительно трудолюбию начальника штаба генерал-лейтенанта В. В. Курасова. Для меня он был просто счастливой находкой, как говорится специалистом экстра-класса. И это без малейших преувеличений. Владимир Васильевич перед войной и в начале войны прошел большую школу высшей штабной службы у Б. М. Шапошникова и А. М. Василевского, сотрудничал в Генеральном штабе с В. Д. Соколовским, Н. Ф. Ватутиным. В его работе отчетливо проявлялись черты стиля этих высокообразованных генштабистов. Я сам тоже много работал в штабах. Это нас сближало, позволяло быстро найти «общий язык», понимать друг друга с полуслова, помогало нам оперативно решать сложные вопросы планирования боевых действий войск и управления ими.

Все, что зависело от В. В. Курасова и его ближайших помощников, было сделано на высоком уровне штабного искусства. Теперь успех операции во многом зависел от того, насколько правильно уяснили себе командующие армиями и командиры соединений поставленные перед ними фронтовым командованием задачи, особенно те из них, кому предстояло непосредственно участвовать в прорыве тактической зоны обороны противника, насколько они глубоко и всесторонне учли все конкретные условия и при-

няли разумные, отвечающие обстановке решения по боевому применению подчиненных им войск. Этому важнейшему акту в деятельности командования всех степеней я всегда придавал большое значение и всеми мерами стремился создавать командирам самые благоприятные условия для выработки и принятия смелых и инициативных решений. Когда позволяла обстановка, я всегда приходил на помощь тем из них, кто в ней нуждался, при этом ни в какой мере не подавлял их воли и всячески стремился укрепить у них веру в собственные силы. И на этот раз они, без мелочной опеки, превосходно справились с порученным делом.

В результате большой творческой работы, проделанной командующими армиями, их начальниками штабов и командующими родами войск, во всех армиях фронта были приняты соответствующие обстановке решения и поставлены войскам четкие задачи на наступление. В осуществлении быстрого и скрытного маневра огромной массы артиллерийских средств к участку прорыва большая заслуга принадлежала командующему артиллерией фронта, славному боевому соратнику В. И. Чапаева, генералу Н. М. Хлебникову и его штабу. Они сумели вовремя сосредоточить на участке прорыва около 4 тыс. орудий и минометов. Весьма вдумчиво и кропотливо поработали командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин и начальник штаба армии генерал-майор авиации Н. П. Дагаев над вопросами организации авиационного обеспечения операции, обратив основное внимание на подготовку к решению трех главных задач: обеспечение войск при осуществлении прорыва тактической зоны обороны, обеспечение ввода в прорыв 1-го танкового корпуса и форсирования Западной Двины. Такая целеустремленность в подготовке боевого применения авиации фронта дала значительный эффект. Фронтное авиационное командование имело в своем распоряжении три дивизии истребителей, три дивизии и отдельный полк штурмовиков, дивизию ночных бомбардировщиков «ПО-2». Из 850 самолетов, находившихся в строю к началу операции, в первые три дня 80% их было нацелено на решение упомянутых выше задач. В связи с отсутствием у нас дневных бомбардировщиков проведение непосредственной авиационной подготовки не предусматривалось.

Из-за сложных условий местности в полосе предстоящего наступления особое значение приобрело инженерное обеспечение, которым в этой операции занимался хорошо знавший свое дело генерал-лейтенант инженерных войск В. В. Косырев. На инженерные войска были возложены большие задачи — ведение инженерной разведки, оборудование исходного района для ударной группировки фронта, строительство и восстановление дорог и мостов, создание подвижных отрядов заграждений, обеспечение маскировочных мероприятий. Важное место в инженерном обеспечении занимала подготовка к форсированию рек, особенно Западной Двины. В результате большой работы инженерных войск мы получили возможность навести не менее двух мостов (пропускной способностью в 30 и 15 *m*) на каждый стрелковый корпус, форсировавший реку в первом эшелоне. К началу операции инженерные войска заготовили детали для 60-тонного низководного моста полукилометровой длины.

Для достижения внезапности наступления войск фронта вся первоначальная работа по планированию операции проводилась строго ограниченным кругом лиц. В ходе дальнейшей подготовки к наступлению войскам была отдана директива по осуществлению комплекса мероприятий, направленных на то, чтобы скрыть от противника наши намерения. В развитие этой директивы была детально разработана «Временная инструкция по комендантской службе во фронтовом, армейском и войсковом тылу». Скрытность достигалась тщательной маскировкой, поддержанием жесткой дисциплины маршей, совершаемых только в ночное время, и организацией строгой комендантской службы.

Органы тыла фронта, возглавляемые хорошим организатором тылового обеспечения войск генерал-лейтенантом Д. И. Андреевым, к началу операции накопили большие запасы: боеприпасов — до 6 боекомплектов, продовольствия до 30 суток. К сожалению, запасы горючего удалось довести только до четырех, пяти заправок вместо запланированных десяти.

Необходимо подчеркнуть, что даже отлично спланированная и материально обеспеченная операция могла оказаться неудачной без высокого морально-боевого духа войск. В подготовке личного состава к боям неоценимую роль сыграли партийно-политические органы под руководством члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Д. С. Леонова и начальника политуправления генерал-майора М. Ф. Дребеднева

Оба они были опытные, всесторонне эрудированные политработники. Широко развернутая политработа планировалась на весь период операции, имела четкую идейную направленность и конкретность.

Активно трудился большой отряд агитаторов из наиболее авторитетных, прославившихся в боях воинов. Только в одной 6-й гвардейской армии агитаторов было свыше 2,5 тыс. человек, из них 86% — коммунисты и комсомольцы, 64% — награжденные орденами и медалями. Накануне наступления во всех частях прошли короткие митинги с выносом боевых знамен. Высокий боевой накал ощущался в выступлениях бойцов. Наиболее яркие из них распространялись потом в виде листовок среди личного состава дивизий. Запись одного из выступлений я храню до сих пор как дорогое воспоминание о своих боевых соратниках.

— Я люблю свою Родину, — горячо говорил на митинге сержант Щевелев, — защищаю ее, не жалея сил и крови, а если нужно, не пожалею и самой жизни. Фашистский зверь ранен, но еще не добит. Его надо добить в собственной берлоге. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше. Лично я и мое отделение к этому готовы.

Жгучая ненависть к оккупантам кипела в душе каждого, кто читал листовку-призыв с фотографиями зверств гитлеровцев. На одной из таких листовок воспроизводилась фотография, найденная у убитого фашистского офицера. Под ней был помещен следующий текст:

«Смотри и запомни, боец! Между стволами двух сосен — перекладина. На перекладине распята молодая женщина. За ней стоит ее палач. Кто ты, дорогая, за что тебя казнили? Может быть твоя жена, товарищ, боец, твоя невеста, сестра, дочь? Ни имя, ни фамилия ее нам неизвестны. Мы знаем одно, она русская и мучает ее фашист... Вспомним и за все сполна отомстим извергам!»³.

В ходе подготовки к операции мне пришлось на вездеходе исколесить немалое пространство. Побывав в многих соединениях и частях, беседовал с бойцами, командирами и политработниками, убедился, что они хорошо знают свои задачи, настроены по-боевому и с нетерпением ждут наступления. Конечно, большую часть времени я находился на направлении главного удара, в войсках генералов И. М. Чистякова и А. П. Белобородова.

Немало волнений вызвал приезд к нам на фронт представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Нужно отметить, что Александр Михайлович пользовался большой популярностью, как видный военный деятель, человек высокой культуры, доброго отзывчивого сердца. К его советам чутко прислушивались. Я хорошо знал А. М. Василевского еще по совместной учебе в Военной Академии Генерального штаба, не раз встречался с ним на войне, высоко ценил его организаторский и военный талант.

В середине июня Маршал Советского Союза А. М. Василевский, генерал-полковник артиллерии М. Н. Чистяков, генерал-полковник авиации Ф. Я. Фалалеев прибыли на 1-й Прибалтийский фронт. На моем командном пункте представитель Ставки заслушал доклады Военного совета фронта и командующих родов войск по планированию, подготовке и материальному обеспечению операции. В ходе обсуждения плана операции Александр Михайлович внес в него некоторые поправки, дал ряд практических советов. Затем он внимательно ознакомился с ходом подготовки и материального обеспечения предстоящих действий 6-й гвардейской, 43-й и 3-й воздушной армий. Помню Александр Михайлович повышенный интерес проявил к 43-й армии и ее командующему генерал-лейтенанту А. П. Белобородову, командирам 1-го, 60-го и 92-го стрелковых корпусов Н. А. Васильеву, А. С. Люхтикову и Н. Б. Ибянскому. Маршал артиллерии М. Н. Чистяков пристрастно «экзаменовал» командующего артиллерией армии генерал-лейтенанта Е. Г. Щеглова. На артиллерийскую подготовку отводилось 2 часа 15 минут. Порядок ее проведения не вызвал, возражений ни у А. М. Василевского, ни у М. Н. Чистякова. Ф. Я. Фалалеев отметил что использование 3-й воздушной армии спланировано правильно. Решение командарма А. П. Белобородова на прорыв обороны противника представитель Ставки признал смелым и правильным.

³ Архив МО СССР, ф. 235, он. 2086, д. 326, л. 8.

Александр Михайлович затем пристально посмотрел на генерала А. С. Ляхтикова и спросил:

— Это Вы командовали дивизией уральцев и сибиряков в контрнаступлении под Москвой?

— Да, 348-й стрелковой в группе генерала Хетагурова. Рогачево и Клин брали. Какие богатые были. Многие полегли под Ржевом, — тихо ответил поседевший генерал.

— Да, под Ржевом бои были тяжелыми. Чтобы удержать его, гитлеровцы вынуждены были использовать значительные силы, предназначенные для переброски в район Сталинграда, — заметил А. М. Василевский.

На следующий день мы побывали в 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. А. М. Василевский долго дружески беседовал с командиром 22-го гвардейского стрелкового корпуса генералом А. И. Ручкиным, которого хорошо знал по операциям на юге Украины.

В целом представитель Ставки остался доволен подготовкой к операции и морально-боевым духом войск нашего фронта. В донесении И. В. Сталину, направленном в ночь на 17 июня, он писал: «Хорошее впечатление производит новый командарм 43-й Белобородов. Отлично работают присланные с юга командиры корпусов Васильев и Ручкин. Дал указание сохранить за Васильевым, переведенным с гвардейского на негвардейский корпус, гвардейский оклад. Прошу санкционировать мое распоряжение и дать соответствующие указания тов. Хрулеву.

Подготовка войск обоих фронтов идет вполне нормально и, если погода позволит, к выполнению задания приступим строго в намеченный Вами срок.

По-прежнему несколько нервирует работа железных дорог и вызывает опасения в своевременном сосредоточении некоторых из предназначенных фронтов войск, а также в подаче некоторых видов снабжения, хотя все необходимое для начала операции будем иметь на месте»⁴.

После ужина, еще раз возвращаясь к плану операции фронта, А. М. Василевский сказал, что мы все же наметили слишком широкий участок для прорыва. Но внимательно выслушав наши доводы и детально изучив по карте местность, Александр Михайлович разрешил ничего в плане не менять. Ночью, после разговора по телефону с И. В. Сталиным, он вылетел в Москву. 18 июня Александр Михайлович позвонил мне и сказал, что в Ставке, по предложению Г. К. Жукова, обсуждается вопрос о переносе наступления 1-го Белорусского фронта с 23-го на 24 июня.

— Я бы хотел услышать Ваше мнение, Иван Христофорович?

— Мне, очевидно, надо лишь привить это к сведению, — ответил я Василевскому.

— Нет, — возразил он. — Для нас с вами есть определенная выгода. Появится возможность перед началом операции, в ночь на 23 июня, использовать наиболее значительную часть авиации дальнего действия в интересах 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

С Александром Михайловичем не согласиться было нельзя. Все разумно и нам большая помощь.

21 июня он вновь связался со мной по телефону с КП И. Д. Черняховского, поинтересовался, все ли у нас идет по плану и, получив положительный ответ, сообщил, что договорился с Г. К. Жуковым о привлечении в ночь на 23 июня основной массы авиации дальнего действия к обеспечению нашего наступления.

— С подготовкой все нормально, — докладывал я Василевскому. — Готовность войск фронта к наступлению назначена на два часа 23 июня. Но у нас нет полной уверенности в том, что противник не знает о готовящемся нашем ударе, и есть опасения, что он заблаговременно отведет свои главные силы в глубь обороны, оставив впереди только прикрытие.

— Ваше решение? — просил Александр Михайлович.

— Чтобы не попасть в ловушку и не выпустить драгоценные боеприпасы по пустому месту, мы решили завтра, 22 июня, первоначально прощупать врага силами разведывательных отрядов до батальона от каждой дивизии первого эшелона и при поддержке каждого из них двумя-тремя дивизионами артиллерии.

— Хорошо. Согласен, — одобрил представитель Ставки.

⁴ «Освобождение Белоруссии 1944 года». М., 1967, стр. 58—59.

22 июня... Чуть заалел восток, когда я с группой генералов и офицеров прибыл на свой наблюдательный пункт, чтобы управлять боем передовых батальонов, уже готовых к броску на врага. Мы не могли забыть, что в этот день исполнилась Третья годовщина вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Мы помнили, как нагло и самоуверенно гитлеровцы тогда наступали. А теперь сидят, зарывшись в землю, и в страхе ждут своего часа. «А может быть еще верят в несокрушимость своей обороны?» — размышлял я в эти последние минуты перед наступлением.

К 5 часам туман почти рассеялся.]

«Пора начинать. Подай свой голос, бог войны!» — повернулся я к стоявшему рядом командующему артиллерией фронта генералу Н. М. Хлебникову. Немедленно последовал сигнал к открытию огня. Утреннюю тишину расколол грохот залпов нашей артиллерии. А через 20 минут генералы И. М. Чистяков и А. П. Белобородов доложили: батальоны пошли в атаку.

Окончание следует